

Гу Тин почувствовал неловкость, взгляд его соскользнул вниз и упал на лежащий на полу труп. При жизни этот человек собирался совершить нечто мерзкое, пояс был распахнут, обнажая часть тела...

— Не смотри, — преградил ему обзор Хо Янь. — Грязно.

Ю Дачунь, глядя на искажённое предсмертной мукой лицо, почему-то представил себя на месте убитого... Если не выложиться по полной и не одолеть Хо Яня, не такая ли участь ждёт и его?

Сглотнув, он ткнул пальцем в Хо Яня: «Ты посмел убить моего человека!»

Хо Янь прищурился: «А я и не ведал, что господин Ю и моё сокровище сердца, видать, общаются весьма тесно?»

Что... это значит?

Ю Дачунь резко перевёл взгляд на Гу Тиня.

Гу Тин нарочно фыркнул и отвернулся. Мол, что, сам не видишь?

Ю Дачунь тут же сообразил: недоразумение, всё это — одно сплошное недоразумение! Все его опасения оказались напрасны, Терем Красного Шёлка — подлинный, Четвёртая госпожа Гань — тоже, стоит лишь постараться — и подвиг будет его!

Подумалось ему: а ведь и вправду, когда Гу Тин впервые рассказал ему об этом, тот же говорил, что насчёт предпочтений Четвёртой госпожи Гань — не уверен.

Копни поглубже — обязательно что-нибудь найдётся. Прояви усердие — и Четвёртую госпожу Гань отыщешь. Но сейчас признаваться ни в коем случае нельзя! Иначе не только подставишь Гу Тиня, но и навлечёшь на себя внимание Хо Яня. Вдруг Хо Янь захочет подвиг присвоить?

— Нет, никаких связей у нас с ним нет! — тут же отрёкся Ю Дачунь.

Хо Янь: «Тогда отчего он у тебя?»

Ю Дачунь: «Я... я хотел его связать, чтобы заст...»

Хо Янь приподнял бровь: «Чтобы пригрозить мне?»

Ю Дачунь вытер пот: «Да что вы! Чтобы дела обсудить! Да, дела! Год на исходе, мы хоть и на императорской службе состоим, но не близки. Посоветоваться не с кем, вот и пригласил господина Гу расспросить — как новый год встретить, как с вами, князь, обходиться, с визитами как быть...»

Хо Янь пнул ногой труп: «Для обсуждения дел людей связывают да таких уродов приставляют? Может, и тебе ко мне в гости пожаловать?»

Ю Дачунь засмеялся неестественно: «Нет уж, не стоит. Всё это — одно недоразумение. Сокровище-то ваше нрава крутого, я его просто поугагать хотел, ничего серьёзного. Глядите — целёхонек, ни волоска не помял.»

— Радуйся, что не помял, а то... — Хо Янь бросил острый взгляд на глотку Ю Дачуня.

У того волосы на затылке зашевелились: «Недоразумение, ей-ей, одно недоразумение...»

Хо Янь холодно окинул его взглядом: «Нрав моего сокровища — не твоя забота. Лучше о себе подумай — ни единой заслуги, как перед Сыном Неба отчитаешься?»

— Хе-хе, это уж я как-нибудь сам, не извольте, князь, беспокоиться.

Ю Дачунь в душе сверлил Хо Яня взглядом: «А отчего это у меня заслуг нет, ты разве не ведаешь? Ты же частокोल вокруг своих владений так плотно сбил! Сколько раз я уже говорил — на передовую хочу, а ты всё отнекиваешься!»

Ха, пляши, пляши! Недолго тебе осталось. Думаешь, воинской удачей вознёсся? С древнейших времён государь — драгоценен, подданный — ничтожен. Пожелает государь — и подданный умрёт. Скоро твоя песня спета!»

...

Когда они покинули усадьбу Ю Дачуня, на улице шёл снег.

Белые хлопья медленно кружились, ложась на ветви, на крыши, под ноги людям, словно пытаясь укрыть всё дурное, и перед глазами оставалась лишь мягкая, чистая белизна.

— Всё ещё сердисься?

Почему-то голос Хо Яня прозвучал неуверенно.

Гу Тин усмехнулся, засунув руки в рукава: «Вы, князь, особа знатная. На что мне сердиться? Да и по какому праву?»

Хо Янь: ...

Они вышли на перекрёсток. Гу Тин остановился и, улыбаясь, сказал: «Благодарю вас, князь, за спасение. Распускать слухи было с моей стороны неправильно, приношу извинения. Впредь такого не повторится, и я постараюсь всё прояснить, чтобы более не вредить вашей репутации. Вы — орёл, парящий в поднебесье, а я — воробей, чирикающий у дороги. Не соизволите ли не обращать на меня внимания?»

Хо Янь нахмурился: «Не нужно так говорить.»

Гу Тин с той же улыбкой поклонился: «Великодушию вашему нет предела. Тогда вы ступайте своей золочёной дорогой, а я побреду своей узенькой тропинкой. Мы и так несовместимы, не стоит и впредь пути пересекать. Смиренно откланиваюсь.»

Никаких там извинений-прощений. Князю — Стражу Севера не нужно ни его прощение, ни вообще какие бы то ни было чувства. Всё равно... никакого будущего у них нет.

Хо Янь: ...

Снег в Цзююане он видел больше двадцати лет и никогда не находил в нём ничего особенного. Но в этом году снег, кажется, и вправду был холодноват.

Вэй Ле, набив живот пирожными, прождал в резиденции полдня и, едва завидев возвращающегося князя, бросился к нему: «Ну как, ну как? Князь, хорошо извинился? Господин Гу легко отходчив? Можно мне теперь с ним повидаться?»

Хо Янь промолчал, но стоило ему шагнуть влево, как Вэй Ле преградил дорогу, шагнул вправо — Вэй Ле снова встал на пути.

Князь — Страж Севера остановился, взгляд его был спокоен и грозен одновременно: «На плац. Два часа дополнительной муштры.»

Вэй Ле словно громом поражённый, с помертвелым лицом: «Не-е-ет! Чем я провинился, князь, что вы так со мной?»

Хо Янь указал подбородком в сторону плаца: «М-м?»

Вэй Ле, понуро опустив голову, поплёлся исполнять приказ.

В Армии Стражей Севера железный закон: когда князь приказывает дополнительную тренировку, возражений не принимается, и причин не спрашивает.

Хо Янь проводил взглядом тяжело ступавшего командира авангарда и медленно прищурился.

Раз язык без дела чешется — значит, мало устаёт.

Шестилетний малыш Хо Цзе, притаившийся у двери, всё это увидел и затрясся.

Взгляд Хо Яня скользнул в его сторону —

Мальчишка расплакался и бросился бежать в главные покои к бабушке: «Я ничего не видел, ничего не говорил, не гоняйте меня на плац!»

Хо Янь фыркнул: «Плакса.»

Но бабушка в годах, лучше её не расстраивать, поэтому он не стал тащить младшего брата на тренировку.

Снег шёл всё сильнее, укутывая землю серебристым покровом, чистым и свежим, точно глаза того человека...

Хо Янь хмурился, и настроение его портилось всё больше. С документами работать не мог — мысли разбегались. Фехтовать принимался — лишь злоба душила, так что убивал бы. У дверей никакого шума не терпел — услышав, тут же впадал в ярость. Вэй Ле от его муштры уже на исходе сил был, младший брат при виде него шарахался...

Так дело не пойдёт.

Хо Янь прошёл несколько кругов по комнате, затем резко остановился, слегка прищурившись.

...

В ту же ночь Гу Тин вдруг услышал новости: Четвёртая госпожа Гань объявилась, Ю Дачунь, вне себя от возбуждения, лично повёл людей в погоню, но понёс потери, причём погибли лучшие бойцы, а сам он был ранен. Столько сил положили — а человека так и не схватили, Четвёртая госпожа Гань растворилась в ночной тьме, снова пропав без следа.

Гу Тин сам того не видел, но, слушая доклады, всё больше укреплялся в мысли, что это была ловушка... Четвёртая госпожа Гань — приманка, Ю Дачунь — рыба, а кто-то намеренно его подставлял. Ранение — мелочь, но гибель элитных бойцов, тех самых, что в критический

момент жизнь спасти могут, — вот это удар!

Раз за разом, по крохам, отсекая то руку, то ногу — кто долго так выдержит?

Неужели... Хо Янь?

Гу Тин размышлял: если это и вправду его рук дело, то князь — Страж Севера тот ещё хитрец.

На следующее утро Гу Тин отправился в лавку проверить счета, но возникла проблема, требовавшая его личного вмешательства. Зашёл он в один чайный дом — и вот ведь совпадение — столкнулся с Гу Цинчаном.

Гу Цинчан был человеком противоречивым. Он давно питал чувства к Цзян Муюню и всё это время помогал ему, но признаваться в своей привязанности не желал — будто бы непризнание делало его выше, а тот, в свою очередь, стал бы ценить его больше. Не мог он и забросить семейные дела — статус старшего законного сына, право наследования, богатство и славу — всё это он жаждал сохранить.

Как раз в это время он получил письмо из дома: отец подыскал ему невесту, знатную девицу из столицы, и он дал согласие.

Гу Тина это не удивило — в прошлой жизни всё так и было. Мысли и поступки его старшего брата всегда отличались своеобразием. Однако на сей раз случилось неожиданное: это письмо увидел Цзян Муюнь.

Цзян Муюнь, неизвестно как оказавшийся в том же чайном доме, произнёс: «Выходит, скоро у тебя будет жена. Поздравляю.»

Слова звучали бесстрастно, без намёка на грусть, но взгляд, которым он окинул Гу Цинчана, был сложным, с оттенком потаённой горечи, словно перед ним был человек с разбитым сердцем.

Гу Цинчан поначалу смутился. Самому говорить и делать что-то — одно дело, но быть застигнутым врасплох Цзян Муюнем — совсем другое. Он не хотел выглядеть плохо в глазах этого человека, особенно когда был не готов, но выражение лица Цзян Муюня... заставило его удивиться.

<http://bllate.org/book/16279/1466055>